

ROUBAL PETR. Starý pes, nové kousky: kooptace do Federálního shromáždění a vytváření polistopadové politické kultury. Praha : Ústav pro soudobé dějiny AV ČR, 2013. 109 s.

В 2013 г. в Институте современной истории Академии наук Чешской Республики вышла работа сотрудника отдела позднего социализма и постсоциализма П. Роубала «Старая собака, новые трюки: кооптация в Федеральное Собрание и формирование политической культуры после ноября 1989 г.».

В своей работе автор отмечает, что начавшиеся в ноябре 1989 г. революционные события привели к необходимости использования различных механизмов, способных обеспечить переход к демократическому правлению в Чехословакии. При этом речь не шла о «возврате к демократии», а об адаптации «социалистической демократии» к условиям функционирования открытого общества (с. 11). Одним из таких средств стала кооптация¹. П. Роубал представил трактовки этого понятия с точки зрения права и социологии, показал ее место в чехословацкой политической культуре, отметив, что она стала примером смелых, но не радикальных конституционных преобразований в Восточной Европе в конце 1980-х — начале 1990-х гг. (с. 14).

П. Роубал обосновывает необходимость изучения этого феномена тем, что существует устойчивое отношение к кооптации как к «первородному греху» чешской (чехословацкой) демократии, породившему многочисленные проблемы 1990-х гг. (с. 6). Он попытался дать ответ на вопрос, а «была ли альтернатива кооптации и как пришли к целесообразности ее проведения».

Инициатором кооптации назван коммунист-реформатор, один из авторов конституционных изменений 1968 г. и главный эксперт по вопросам конституционно-правового строительства в Гражданском форуме (ГФ) Зденек Йичинский. 28 ноября 1989 г. он на переговорах представителей ГФ с председа-

телем правительства Ладиславом Адамцем предложил готовый проект изменений в закон, предусматривавший отстранение скомпрометировавших себя депутатов и кооптацию на освободившиеся места новых политиков. П. Роубал обращает внимание, что оппозиция выступала не за «чистый» парламент, а за дееспособный. Проблема состояла в том, что отстранение депутатов без их замещения привело бы к утрате необходимого конституционного большинства (3/5 от списочного состава, а не присутствующих депутатов). Учитывая тот факт, что действовал запрет майоризации², то отсутствие хотя бы 31 депутата в чешской или словацкой части палаты народов может привести к тому, что закон не будет утвержден (с. 19).

Кроме этого, автор показывает неоднозначное отношение в современной чешской историографии к личности Зд. Йичинского. Некоторые исследователи трактуют его инициативу как месть за партийные чистки в период нормализации (1969—1989 гг.) (с. 27). П. Роубал не согласен с этой позицией, подчеркивая, что единственная цель Зд. Йичинского — реабилитировать парламент (с. 29) и поместить стремительно протекавший политический процесс в конституционно-правовые рамки. Как отмечает П. Роубал, внутри ГФ было разное видение направлений и перспектив развития политической системы страны. По убеждению Зд. Йичинского, В. Гавел никогда не выступал за парламентскую демократию, а за «республику друзей», базирующуюся на личных связях, этических и эстетических оценках (с. 30). Для Зд. Йичинского именно парламент должен был стать гарантией законности радикальных политических преобразований в стране («разделенная на параграфы революция» (с. 32)).

¹ Кооптация (от лат. cooptatio — довыборы) — введение в состав выборного органа новых членов либо кандидатов без проведения дополнительных выборов (Большой юридический словарь / под ред. В. Н. Додонова [и др.]. М. : Инфра-М, 2001. С. 253).

² Для принятия решения по целому ряду вопросов требовалось согласие большинства представителей обеих республик в верхней палате парламента (Палата Наций).

Конституционный закон о кооптации был принят 28 декабря 1989 г. как итог сложных переговоров, связанных с избранием нового президента страны. В ходе их проведения В. Гавел и другие лидеры ГФ осознали ключевую роль парламента. Отказ парламента утвердить на эту должность кандидатуру Л. Адамца заставил В. Гавела пересмотреть свое отношение к главному законодательному органу. Как отмечают исследователи, роль и функции, которые выполнял парламент, не вызывали нареканий со стороны оппозиции, которая просто не знала, как обеспечить контроль над процессом голосования (с. 21). В этой ситуации кооптация стала составной частью компромисса с депутатами, которые в обмен на обещание достойного завершения мандата должны были проголосовать за кандидатуру В. Гавела (с. 23). П. Роубал также обращает внимание, что ни ГФ, ни «Общественность против насилия» (ОПН) не собирались повторять опыт коммунистов и «набивать парламент людьми из Праги и Братиславы», а место отозванного депутата замещать представителем того же края, что и его предшественник. Кандидатов из центра планировали ввести в процессе второй и даже третьей волны кооптации (с. 25).

П. Роубал выделил две волны кооптации. Первая прошла 28 декабря 1989 г., когда непосредственно перед президентскими выборами в парламент было введено 23 человека (с. 25). Ее итогом стало появление в нем ряда известных лидеров революции (к примеру, А. Дубчека, являвшегося «глыбой» чехословацкой политики) (с. 33).

Проведение второй волны кооптации было оговорено в рамках заседания круглого стола 5 января 1990 г. С целью преодоления возраставших амбиций и «непослушания» законодательной власти было принято решение, что отзывать депутатов будут не специальные представительные комитеты, а сами партии. Беспартийных же должен лишать депутатского мандата «соответствующий» орган Национального фронта при согласии ГФ и ОПН. При этом один из лидеров ГФ П. Питгарт тогда же заявил, что первая волна кооптации была «жестом» в сторону местных

комитетов ГФ (с. 34), а в этот раз пришло время для специалистов из центра (с. 35). Уже к следующему круглому столу Коммунистическая партия предложила отозвать 90 из 100 своих депутатов (с. 35).

Вторая волна кооптации состоялась в конце января — начале февраля 1990 г. вхождением 132 новых депутатов в Федеральное Собрание (с. 56). Общее количество депутатов в обеих палатах парламента составляло 350 чел. Это было настолько массовое обновление депутатского корпуса, что ученые говорят о реконструкции парламента. Ни одна политическая группа не смогла вовремя подготовить список своих кандидатов. Голосование сопровождалось неразберихой: то избрали депутатам человека, которому не исполнился 21 год; то человек занимал место в парламенте, еще не будучи избранным; то, наоборот, был избран, но не принес присягу (с. 55). Общее число кооптированных составило 155 депутатов, из них 125 пришли в парламент от ГФ и ОПН (с. 56). Членство в Коммунистической партии (даже бывшее) в январе 1990 г. рассматривалось как препятствие к дальнейшей политической карьере (с. 53).

Кооптация изменила парламент не только с точки зрения партийно-политического представительства, но и по возрастному, гендерному и профессиональному признакам. Так, если средний возраст депутатов, получивших свои мандаты в 1986 г., составлял 56 лет (с. 56), то средний возраст «кооптантов» — неполные 45 лет (с. 57). Зд. Йичинский заметил, что это была «поколенческая революция», ставившая целью дистанцирование от «плохого наследия отцов» (с. 57). В парламенте резко сократилось представительство женщин.

Что касается профессиональной принадлежности, то если в коммунистическом парламенте стремились получить представительство максимального числа профессиональных групп, особенно рабочих профессий, то при выборе «кооптантов» этот фактор не играл никакой роли. Единственное исключение делалось в пользу юристов с расчетом на их активное участие в выработке нового законодательства. Изменилось и представи-

тельство с точки зрения уровня образования. Так, гуманитарное образование имел 31 депутат, юридическое — 22, техническое — 19, медицинское — 15, естественнонаучное — 13, а экономическое — только 10.

Поскольку в процессе кооптации новых депутатов соблюдался принцип принадлежности к одному избирательному округу, существенных изменений в национальном представительстве не произошло. Прежним осталось количество словацких, венгерских и польских депутатов, сократилось на одно место представительство немцев (с. 58).

П. Рoubала подчеркивает, что если в Чехии кооптация рассматривалась с позиций прагматизма как выход из сложившейся ситуации, то в Словакии против выступили как коммунисты, так и демократическая оппозиция. Пытаясь это объяснить, он приводит тезис, позже популярный в среде чешских правых политиков, что после Бархатной революции обозначились две линии развития: «вперед» и на Запад, к экономическим преобразованиям и правовому государству (Чехия); «назад» и на Восток, к осторожным реформам и этноцентрической политике (Словакия) (с. 39). В этой ситуации словацкие политики (в частности, председатель Словацкого национального совета Р. Шустер) считали, что кооптация приведет к снижению авторитета высшего представительного органа (с. 40). Тем не менее закон был принят.

Если первоначально предполагалось усиление в парламенте позиций коммунистов-реформаторов, то в итоге возросло влияние противников коммунизма в лице как правых (П. Чермак, М. Мацек, Й. Поспишил, Вл. Парканова, Л. Кудлачек), так и левых (Л. Заоралек, М. Земан). Кооптация стала инструментом, позволившим активистам ГФ пробиться в парламент, преодолеть их определенную маргинализацию, и способствовала их политической социализации (с. 61). Если ранее депутатский мандат означал прежде всего статус, то теперь — работу, за которую должна выплачиваться заработная плата.

К позитивным результатам проведения кооптации П. Рoubалом отнесены и смеще-

ние сроков проведения первых после бархатной революции выборов в парламент на более поздний срок, и возможность для сохранения парламента как стабилизирующего фактора в условиях революционных потрясений. Она также способствовала превращению парламента в арену столкновения политических партий и интересов. Однако, по мнению П. Рoubала, это был только первый шаг, так как до июньских выборов 1990 г. сохранялось значение территориальности (так как депутаты «представляли» свой округ), и только ГФ представлял интересы разных групп населения при отсутствии четкой дифференциации на политические течения.

В посткоммунистической Европе революционные изменения быстро приобрели элементы реформы, что позволило некоторым авторам использовать термин «революция». По мнению П. Рoubала, принятие решения о проведении кооптации и ее реализация стали примером такой тенденции (с. 64).

Наряду с научным осмыслением процесса кооптации читателям предложены копии документов, позволяющие получить более полную картину формирования органов государственной власти в Чехословакии в первые месяцы после Бархатной революции. Среди них — Конституционный закон о продлении срока полномочий Национальных комитетов, Национальных советов и Федерального Собрания, Верховного Суда и судов региональной компетенции, а также военных судов от 15 октября 1969 г. (с. 69—71); Конституционный закон об отзыве депутатов и выборах новых депутатов от 23 января 1990 г. (с. 72—73); протоколы заседания Федерального Собрания (28 декабря 1989 г.) (с. 74—77).

Монография П. Рoubала позволяет восполнить пробелы в научном знании по вопросам начального периода формирования органов государственной власти в Чехословакии и развеять циркулирующие в общественных и научных кругах мифы об этом периоде.

Н. Н. Приступа, доцент кафедры славянской истории и методологии исторической науки БГПУ, кандидат исторических наук